14 ИЮН 1985
Ленинградский Рабочий
г. Ленинград

КРУПНЫМ ПЛАНОМ

Леонид Филатов: встреча со зрителем

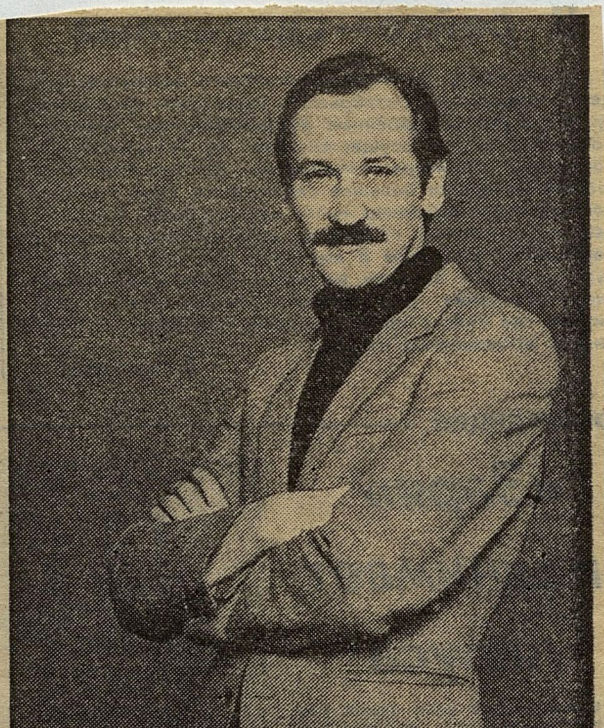
КОВАРНАЯ это штука — встреча актера со зрителями! Ты выходишь к микрофону... Какой есть — такой есть: не спрятаться ни за режиссера, ни за персонаж. Вопрос — ответ, вопрос — ответ... И надо, чтобы поняли тебя все — и тот, кто просто посмеяться пришел, байку услышать, и тот, кто хочет подумать и что-то новое для себя открыть.

Актер принадлежит зрителю. Вернее, зритель думает, что актер ему принадлежит. Это отчасти справедливо: он, актер, сам становится как бы «произведением». О нем говорят, пишут, думают, его изучают, цитируют. Актеры включены в контекст нашей жизни. Создается обманчивое ощущение: этого человека я видел много раз, в различных ситуациях, я знаю, как он себя поведет, знаю, каков он... Мы даже можем при случайной встрече на улице поздороваться с ним — машинально, как со старым знакомым, поздороваться, а потом сообразить, кто это был...

Мы требовательны к актеру, как к близкому, не чужому человеку: будь самим собой! Мы часто нетребовательны к себе: нередко провоцируем его, заставляем «играть в поддавки»: будь таким, как я хочу! И немногие, очень немногие актеры умеют этому противостоять... Леонид Филатов — умеет.

Те, кто побывал на встречах с ним (актер недавно был в нашем городе в связи со съемками фильма «Народный комиссар» о Г. В. Чичерине, в котором он играет главную роль), убедились в этом. За шуткой, за исполнением своих пародий, за почти репризными ответами — что ж тут удивительного? Вопросы-то мы задаем одни и те же — разговор и о себе, и о товарищах по искусству, и о самом искусстве. За легкостью, «эстрадностью» формы — серьезное содержание. И когда истекает время его выступления, хочется еще о многом спросить.

Такая возможность представилась.



— Леонид Алексеевич, что для вас означает формула «актер работает для зрителя»?

— Мой первый зритель — мои друзья, те, кого я зову посмотреть готовый фильм. Их оценка очень существенна — что бы ни делал. Есть еще мнение и просто зрителей, незнакомых мне. Всегда, когда снимаюсь в очередной картине, знаю: каждая небрежность отзовется, люди не поленятся написать: что ж, мол, оплошал? Очень важно соответствовать сложившемуся впечатлению и в работе, и в быту. Как себя ведешь, кто в товарищах — все, я бы сказал, требует аккуратности.

Но есть люди, которые тебя понимают всегда, в каждом зрительном зале. Однажды в далеком от Москвы городе пришел ко мне человек с чемоданом. А в нем — его собрание пародий. Список авторов — от времен Хераскова и Сумарокова. Где-то в конце — и моя фамилия... Он обратился ко мне как к «специалисту» и родной душе. Сказал, что подарил бы коллекцию, да еще до конца не систематизировал... Встречи со зрителями приятны именно знакомством с такими людьми. Грохочешь по полустанкам и думаешь: может, и здесь есть человек, которому ты небезразличен... И еще выступления перед экраном хороши тем, что на них можно попытаться что-то объяснить. Например, почему у меня так много средних, проходных фильмов и необязательных ролей.

— Почему же?

— Причин немало. От первой своей работы в кино был в ужасе. Решил, что я для кинематографа слишком нетипичен. Думал, что в кино приходят сразу или никогда. Про себя определил — никогда: кто же после тридцати начинает? Потом все-таки начали снимать. Стал суетиться: хотелось не только укрепиться в профессии, но и наверстать упущенное. Работал честно, но результат-то — у режиссера, на монтажном столе... Сейчас, когда профессия в руках, иногда думаешь, что можно победить слабый сценарий, вытянуть роль, что-то сделать «за режиссера»... И хотя каждый раз убеждаешься: нет материала — и не будет, чудес не бывает, надеешься — а вдруг? И ведешь сопротивление по сантиметру... Не отказываюсь от ролей еще и вот из-за чего: не считаю, что достиг каких-то вершин. Но чем дальше, тем больше и серьезнее хочется чего-то осмысленного. Милосердия. Очень редко совпадает то, о чем думается, с тем, что работается. Практически актеру надо иметь три жизни: работать, создавать имидж (то есть образ), забываешь право на собственный голос... А когда это право придет — глядь, уже и голоса-то нет. Колесо крутится, крутится... Думая о зрителях, сознаю, что уже не имею права сниматься в таких лентах, как «Петля». Но работать надо — пока приглашают, пока нужен. Актеру — как и художнику, и поэту — должен соответствовать некий общественный климат. Что-то в нем изменилось — и поэт забыт, ушел, исчез...

— А почему сейчас вы — один из самых «нужных» актеров?

— Дело, кажется, в том, что сейчас людям очень важно знать, что существует человек, который способен на поступок, способен принять решение, взять ответственность на себя. Человек, который многое может, который победит в любой сложной ситуации, — такой сейчас симпатичен. Именно таким меня, вероятно, видит большинство зрителей. Приходилось изображать подобных людей — в силу внешности. Сначала ничего не изобретал—играл, и все, и было интересно. Потом, когда начал думать об этом, стал сознательно придерживаться определенного типа героев. Не надо только путать этот образ с амплуа.

— Кстати, все критики сходятся на том, что амплуа у вас нет...

— Амплуа — это простак, это комический простак, герой-любовник... Имидж — это привычка зрителя к определенному образу актера. Постоянный персонаж Дастина Хоффмана — человек с грустными глазами, попадающий в различные ситуации. Кто определит его амплуа? Актер изображает конкретную человеческую фактуру и от нее может уйти, а может — к ней вернуться. Точно так же обстоит дело с пресловутым делением героев на положительных и отрицательных. Да нет таких знаков, если речь о жизни людей!

— Но многие зрители любят определенность, любят, когда все ясно и разложено по полочкам...

— Мы их приучили к этому своими назидательными, даже настырными фильмами, в которых — один указующий перст. Определенность должна проявиться к развязке. Герой не имеет права быть однозначным. Если персонаж живой, характер его многообразен, можно играть отважно, без опаски, не заботясь о том, каким он покажется в этой сцене, — в следующей зритель сам поймет, что за человек перед ним.

Чехов — самый «ненастырный» автор, его можно ставить бесконечно. Потому что он не дает выводов, не разрешает ни одного вопроса. Его произведения абсолютно приближаемы к нашему времени: в них есть такое нравственное облако, которому надо только придавать форму, соответствующую сегодняшнему дню.

— Вы недавно сами «ставили» чеховскую «Чайку», играя режиссера в фильме «Успех»...

— Мне симпатична эта картина. В ней есть попытка приблизиться к процессу творчества. Не случайно этот фильм нравится актерам... Конечно, «Успех» — не истина в последней инстанции. Мы не раскроем тайны и не разрушим ее, ибо творчество в принципе неразгадываемо. Хотелось только, чтобы зрители, которые нередко еще путают экран и жизнь, актера и его героев, чуть-чуть узнали, как на самом деле...

Так мы вернулись к началу разговора. Актер и зритель, зритель и актер. Как сложна, как противоречива их связь! Как зависит она от множества составляющих... Леонид Филатов честен как по отношению к себе, так и по отношению к нам, зрителям. Скажем еще раз: не всем это удается. Будем благодарны актеру. И присоединимся к автору записки, что пришла ему на одной из встреч со зрителями: «Вы замечательный человек. Это здорово».

Вспыхивают прожектора. Филатов выходит к микрофону...

О. УСТИНОВА
В. Плотникова